

Юр. ЗУБКОВ,

наш театральный
обозревательПОД ВИДОМ
ГУМАНИЗМА

ДИССОНАНСЫ В РЕПЕРТУАРЕ

Дух интернационализма и революционное содержание нашего театра — понятия нерасторжимые. С ними связаны все крупнейшие идейно-художественные свершения советского сценического искусства. Лучшие произведения зарубежного прогрессивного театра всегда находят в нашей стране аудиторию самую чуткую и отзывчивую. Такая, к примеру, пьеса, как «Матросы из Катарро» немецкого писателя-антифашиста Фридриха Вольфа, талантливо поставленная в Москве режиссером А. Диким в середине тридцатых годов, встречала у советских людей прием горячий, темпераментный, умножала их революционную энергию. А «Мать» чешского писателя Карела Чапека в великолепной постановке Свердловского театра драмы? Разве в тревожные предвоенные годы не возвышал этот спектакль голос в защиту мира, против милитаризма и фашизма?

Сегодня в репертуаре наших театров также есть спектакли, в основе которых лежат произведения прогрессивных зарубежных писателей, обличающие мир социального неравенства, поработничества народов, истребительных войн. И прежде всего это «Мамаша Кураж и ее дети» Бертольта Брехта на сцене московского театра имени Вл. Маяковского в постановке М. Штрауха. Хотя идет спектакль уже третий сезон, обличительная сила его не ослабевает. Значительны и благородны идеи пьесы, питающие творчество актеров; глубоко, с прогрессивных современных позиций вскрыты они режиссером. И не будет преувеличением сказать, что образы мамаш Кураж и ее немой дочери Катрин, созданные Ю. Глизер и Т. Карповой, относятся к наиболее крупным достижениям в актерском творчестве за последнее время.

Такого художественного успеха не достигли ленинградский театр драмы имени А. С. Пушкина при сценическом воплощении другой брехтовской пьесы — «Добрый человек из Сычуани» и тот же театр имени Вл. Маяковского, поставивший «В горах мое сердце» Уильяма Сарояна. Однако оба эти спектакля также поднимают свой голос против безудержной власти денег, насилия и членовеннавинствительства империалистического общества.

Но, видимо, не все театры верно понимают сегодня интернациональный долг советского сценического искусства, дают порой «зеленую улицу» произведениям современной буржуазной западной драматургии, которые наносят явный ущерб коммунистическому воспитанию.

Уже не раз за последние годы выступала наша печать против распространения таких откровенно буржуазных пьес, как «Доброй ночи, Патриция» или «Третье слово». А они все продолжают идти на сцене, словно бы и нет иным руководителям театров дела до мнения общественности. Широкое распространение получила в последние сезоны и пьеса «Третья голова». Обычно ее необходимость в репертуаре оправдывают ссылками на разоблачение продажности буржуазного суда, морали и т. п. Однако на самом деле ничего похожего в пьесе нет, и вся она держится на банальных темах карьеризма и любовного треугольника.

Несмотря на критику со стороны общественности, этот спектакль продолжает идти на сцене Московского драматического театра, руководимого А. Гончаровым.

Не могут, не должны появляться рядом в сводных афишах такие названия, как «Мамаша Кураж и ее дети» и «Третья голова». Первый спектакль служит делу пролетарского интернационализма, а второй — не более и не менее, как откровенная уступка буржуазной идеологии. Но проникают на сцены наших театров и произведения, буржуазный характер которых обнаруживается не сразу —

он тщательно замаскирован видимостью «общечеловеческого» гуманизма, духом жалости и сострадания к людям. В частности, это драматическая комедия У. Гибсона «Двое на качелях», поистине заповолившая сейчас многие сцены страны. В шутку или всерьез, но справедливо говорят, что на «качелях» сейчас раскачиваются от Москвы до Владивостока.

Чем же объясняется столь широкая популярность истории о двух одиноких людях, затерянных в водовороте жизни современного Нью-Йорка? Обычно на этот вопрос отвечают так: числом действующих лиц. Их всего два — он и она. Но главное объяснение, на мой взгляд, следует искать в неверном, ложном толковании иными руководителями театров проблемы гуманизма, в отступлении от принципов социалистического реализма, требующего от художника правдивого изображения процессов жизни с позиций коммунистической партийности.

О чем рассказывают «Двое на качелях»? Ютящиеся на чердаках небоскребов, герои пьесы напоминают песчинки в океане капиталистического мира. Однако так кажется только поначалу. Стоит им на время соединить свои судьбы, как юрист Джерри Райган, лишенный здесь права заниматься адвокатской практикой, но обладающий некоторой сноровкой, создает для своей больной подруги танцовщицы Гитель истинный «рай» в шалаше. Волчьей морали капиталистического мира здесь нет и в помине. Характеры же, предлагаемые нам в качестве некоего нравственного идеала, ущербны, ущемлены одиночеством и разного рода жизненными ошибками...

Я сознательно не хочу говорить сейчас ни об одном из спектаклей, осуществленных на основе этой пьесы. Дело ведь не в том, кто поставил ее с большим или меньшим талантом и мастерством, а в том, что здесь мы видим явное отступление иных наших театров от своего общественного назначения, интернационального долга. И нужно ли говорить, что повинны в распространении подобных пьес не только руководители театров, но и местные партийные органы, министерства и управления культуры, во многом пустившие дело формирования репертуара на самотек.

А чем может вооружить и обогатить зрителя постановка другой пьесы У. Гибсона — «Сотворившая чудо» на сцене московского театра имени М. Н. Ермоловой? Немало сил и таланта вложено в спектакль исполнительницами центральных ролей Е. Королевой и С. Павловой, режиссурой. Но каков общественный смысл истории тяжело больной и избалованной девочки, с которой справляется умный и строгий педагог? Надо быть не добреньким, а по-разумному добрым? Но ведь заниматься прописным морализированием — не дело искусства.

Говоря о зарубежной драматургии на советской сцене, наши театры можно порой упрекнуть не только в неправильном выборе репертуара, но и в неверном его воплощении.

Огромной обличительной силой обладает спектакль «Смерть коммивояжера» А. Миллера на сцене ленинградского театра имени А. С. Пушкина с Ю. Толбеевым в главной роли. Но та же пьеса на сцене МХАТа утратила социальную остроту, превратилась в заурядную и безвкусную мелодраму. Избав для постановки далеко не лучшую пьесу Э. де Филиппо «Суббота, воскресенье, понедельник», рассказывающую о семье мелких итальянских буржуа, московский театр имени М. Н. Ермоловой свел на нет даже и те немногие социальные мотивы, что в ней имеются.

Можно было бы без особого труда приводить все новые и новые названия, свидетельствующие об идейной неразборчивости иных театров и их руководителей, о по-

верхностном, бездумном отношении отдельных режиссеров и актеров к своему творчеству. Вряд ли, однако, стоит множить этот перечень. Святой долг каждого коллектива задуматься над тем, верен ли он, ставя выбранную им пьесу, интернациональному назначению нашего искусства, его общественным задачам или совершает отступления от них?..

Не случайно я начал разговор с упоминания таких произведений, как «Матросы из Катарро», «Мать», «Мамаша Кураж и ее дети». Никто не собирается отказываться от прогрессивной зарубежной драматургии, вносящей немалый вклад в дело борьбы за мир и социальную справедливость, разоблачения социальных язв капитализма. Речь идет о том, что ставить и как ставить. Речь идет о пагубном увлечении наших театров пьесами У. Гибсона или М. Эме и непонятно прохладном, равнодушном отношении к Шоу, Брехту, Шону О'Кейси, Пираделло, Хеллман и некоторым другим писателям.

«Надо помнить о том, — говорит Н. С. Хрущев, — что в мире идет острая борьба двух непримиримых идеологий — социалистической и буржуазной».

Задача художника — активно действовать своими произведениями утверждению коммунистических идей, нанесению сокрушительных ударов по врагам социализма и коммунизма, борьбе против империалистов, колонизаторов».

Забвение этих коренных задач, забвение интернационального духа нашего искусства неизбежно приводит театр к отступлению от социалистического реализма, от принципов партийности и народности художественного творчества, к уступкам чуждой, враждебной нам буржуазной идеологии.

86